

БЕРЕГ ДАЛЬНИЙ

(Крымскія воспоминанія).

Когда я впервые попала в Крым, он только что начал обстраиваться и пробуждаться к новой жизни и дѣятельности послѣ Крымской Кампаніи.

Севастополь долго не мог залѣчить свои раны, и по главным улицам все еще стояли бѣлые каменные дома, развороченные снарядами, с разрушенными оградами.

В Севастополь еще были живы люди, дравшіеся на Черной рѣчкѣ «у трактира», на знаменитом 4-ом бастионѣ, — они с гордостью рассказывали о своих героях Нахимовѣ, Тотлебенѣ, Корниловѣ.

Южный берег был еще полон воспоминаніями о временах «Очакова и покоренія Крыма»: об академикѣ Палласѣ, приглашенном Екатериной II, о намѣстникѣ гр. Воронцовѣ, столько сдѣлавшем для изученія и благоустройства покореннаго края; о сортах винограда, ввезенных ими в Тавриду, о школах садоводства и винодѣлія, ими открытых.

Еще не забыли княгиню Голицыну, внучку фельдмаршала гр. Миниха, разгромившаго Бахчисарай в царствованіе имп. Анны Іоанновны, высланную из Петербурга в Крым за свое извѣстное «Обращеніе к народу».

Рассказывали, как она вмѣстѣ с барон. Крюденер, имѣвшей одно время большое, тяжелое вліяніе на имп. Александра I, основала религиозно-мистическое общество и ходила в монашеских одѣянїях с крестом на груди и Евангеліем в руках проповѣдывать христіанство среди татар.

Высоко над морем, на одном из холмов Кореиза стоит часовня, построенная кн. Голицыной для мистических собраній. В ней спит княгиня своим послѣдним сном, окруженная немногими русскими могилами, и старые кипарисы, как черные монахи, столпились вокруг.

А на окружающих виноградниках и в темных парках стоят их дома, старомодные барскіе небольшіе особняки Александровской эпохи, с высокими полукруглыми стеклянными дверями и окнами, с каменными террасами и штучным паркетом в гостиных. Эти барскія усадьбы так художественно иллюстрировали замѣчательное переходное время присоединенія Крымскаго ханства к Россійской Имперіи.

Дома со стрѣльчатыми окнами на восточном переплетѣ, с прелестными минаретиками вмѣсто труб, с колоннами, поддерживающими

крышу над окружающей дом террасой давали очень удачный, соответствующій характеру Крыма «татарскій амфир».

К княгинѣ Голицыной и баронессѣ Крюденер присоединилась графиня Гашер, проживавшая в имѣніи Артек.

Кто она была? Эту таинственную женщину, носившую то мужской костюм, то одѣяніе монахини, нѣкоторые историки считают извѣстной графиней де ла Мотт, замѣшанной в дѣло о пропажѣ ожерелья королевы Маріи Антуанетты, подвергшейся бичеванію и клейменію на Гревской площади. Высланная затѣм в Англїю, она перебралась в Крым, мѣсто паломничества тогдашней европейской аристократіи.

Старожилы Феодосіи помнили, как в Старом Крыму доживала свой вѣкъ графиня в полном одиночествѣ, имѣя в услуженіи одну татарку.

Эта татарка послѣ смерти графини рассказывала о темном пятнѣ и рубцѣ, которые она видѣла на спинѣ и на плечѣ графини и о том, как незадолго до ея смерти к ней прїѣзжали из Франціи именитые французы, и графиня им открывала свою завѣтную шкатулку, а Смирнова, прїятельница Пушкина и Гоголя в своих извѣстных воспоминаніях пишет о гр. Ла Мотт: «она никогда не разставалась со своей завѣтной шкатулкой».

Нѣмой камень, без надписи над ея могилой в Старом Крыму навѣки запечатлѣл исторію и имя этой таинственной женщины.

Ялта. Чехов. Горькій.

Дачи, рѣдкія в верхней части Ялты, были еще окружены пустырями, виноградниками, садами мѣстных греков Аутки и татар Дерекоя, прекрасных садовников, наслѣдственных хозяев Ялты, уже тѣснимых пришлым русским населеніем. Все рѣже спускались они с гористых своих садов и виноградников в нарядную, чуждую им курортную Ялту.

Прекрасна ялтинская зима! Горы покрыты снѣгом, а в саду на дачах цвѣтут пунцовыя, желтыя розы, пахнет буксусом и зимоцвѣтом, и море шлет свой терпкій, бодрящій воздух.

В январѣ в прозрачных лѣсах, окружающих Ялту, уже цвѣтет золотистый кизиль, и коврики темных фіалок и бѣлых подснежников покрывают проталинки и обочины дороги.

Тихо бывало тогда в Ялтѣ: сезонная публика уѣхала во-свояси, и пород преобразался. В тихих улицах, на балконах бѣлых дач слышались покашливанія больных, и проѣзды в фаэтонах докторов говорили, что Ялта становится всероссійской санаторіей.

Появились великолѣпныя государственныя и частныя санаторіи, строились во множествѣ дачи, отели и пансіоны, удовлетворяющіе нуждам больных в солнцѣ и защитѣ от вѣтров.

Встрѣчали пароходы, обсуждали, сколько больных прїѣхало с сѣвера морским и сухим путем, как протекает туберкулез в эту зиму, кого втихомолку, чтобы не пугать больных, хоронят ночью.

Наряду с санаторной жизнью развивалась дѣятельность недавно открытаго ялтинскаго земства.

На одном из холмов города, в старинном одноэтажном домикѣ

помѣстилось Управление уѣздной Ялтинской земской Управы, возглавляемое почтеннѣйшим земским дѣятелем В. К. Винберг.

Низенькій домик со стрѣльчатыми окнами смотрѣлъ в даль голубого моря. Старая глицинія рѣзко юбилла его своими могучими вѣтвями и покрывала весною сиреневыми цвѣтами. В дни земских собраний здѣсь собиралась вся интеллигенція Ялтинскаго уѣзда: пріѣзжали помѣщики с женами, с желаніем работать на просвѣтительном и больничном поприщѣ с непочатым запасом общественной энергіи. Строили новый благоустроенный Крым.

И так как населеніе Ялтинскаго уѣзда было преимущественно татарское, то они становились центром вниманія земства, и гласные татары встрѣчали особенно внимательное отношеніе к своим нуждам.

Строились дороги, земскія школы, больницы, санаторіи, мечети; открывались почтовые отдѣленія в глухих татарских деревнях и т. д. Весь южный берег вскорѣ застроился дачами, курортами, санаторіями; на мѣстах древних пепелищ человѣческаго жилья разбивались великолѣпные парки и вырубались древне-греческія оливковыя рощи, живые свидѣтели античной Тавриды.

Так прошли пятнадцать лѣтъ тихой, большой, культурной работы. Страна росла, росла с ней и люди.

Севастополь давно залѣчил свои раны послѣ Крымской кампаніи, обстроился, расцвѣлъ и стал в 1905 году ареной великих политических потрясеній.

Расцвѣла и расширилась Ялта, и весь южный берег покрылся чудесными дворцами, парками, дачами, санаторіями.

***

Начинались изысканія по постройкѣ Южно-бережной желѣзной дороги во главѣ с инженером-писателем Гариным-Михайловским. Он сам и его инженерный штаб размѣстились в уютном имѣніи Кастрополь, древнем поселеніи античных греков, перешедшем при покореніи Крыма к защитнику Севастополя графу Толю.

Барскій дом был обставлен по старинному: круглый диван с цвѣтами в жардиньеркѣ, обитой красным плюшем, возвышался посреди гостиной, увѣшанной темными портретами. Спальни и дѣтскія выходили окнами в заросшій, темный, сырой парк. Во флигель и в верхнем этажѣ дома помѣщались чертежная, канцелярія и сотрудники Гарина-Михайловскаго.

С утра всѣ разѣзжались по работам нивеллировки пути и собирались за многолюдным обѣденным столом, веселые и оживленные работой. Всѣ были увлечены постройкой и художник Петербургскаго Штиглицкаго музея Н. З. Панов проектировал станціи в своеобразном соответствующем мѣстности вкусѣ.

В Байдарской долиинѣ на подобіе нагайскаго шатра, в Ай-Тодорѣ в античном греческом стилѣ и т. д. В будущем в планы Михайловскаго, талантливаго инженера-изыскателя, входила постройка желѣзной дороги по берегу Крыма до Керчи с мостом через древній Босфоро-Керченскій пролив, дабы соединить Крым с Кавказом.

Послѣ обѣда всѣ собирались на громадную каменную открытую

террасу, и маленькія дочки Михайловскаго развлекали взрослых старинными французскими пѣсенками и танцами, а старшіе мальчики вели безконечные политическіе разговоры и споры.

Когда смеркалось, молодежь садилась на ступеньки террасы, пѣла русскіе и цыганскіе романсы, кто-нибудь тихо наигрывал на гитарѣ, а море шелестѣло и вздыхало у их ног.

***

И потянулись в Крым, особенно в Ялту, художники, артисты, писатели, ученые, общественные дѣятели и всяческая публика и, конечно, главным образом, больные. Можно сказать вообще, рѣдко кто не бывал в Крыму. Нѣкоторые из них, как напримѣр, Антон Павлович Чехов и С. Я. Елпатьевскій построились и обосновались в Ялтѣ, вошли в ея жизнь и нужды, основали мѣстную газету. Оба были врачи, и оба писали воззванія и статьи о помощи Ялтинскому благотворительному обществу.

При содѣйствіи Елпатьевского была основана санаторія для неимущих больных «Яузля», а его жена заботилась о разнообразных нуждах, матеріальных и духовных, санаторіи.

На дачѣ С. Я. Елпатьевского устраивались частныя совѣщанія членов Государственной Думы, и собирались пріѣзжающіе писатели и художники*).

А. П. Чехов.

Художники «Міра Искусства» устраивали здѣсь свою выставку, а к Антону Павловичу Чехову пріѣзжал в Ялту в гости в полном составѣ Московскій Художественный Театр, спектакли котораго давали столько наслажденія мѣстной публикѣ.

А. П. Чехов построил свою бѣлую дачу на горѣ, над морем, как чайку присѣвшую отдохнуть на скалѣ, и любовно занимался своим садом, в котором важно ходил за ним его ручной журавль и бѣгали два таксика Хина и Бром.

В ясные зимніе дни Антон Павлович гулялъ на набережной, омытой шипящими волнами моря, в мягкой шляпѣ и темном пальто и неизмѣнно отдыхал на скамеечкѣ у книжнаго магазина Синани. Здѣсь проходила мимо него вся Ялта, умиротворенная послѣ отъѣзда сезонной публики.

*) См. «Крымскіе очерки» и «Литературныя воспоминанія» С. Я. Елпатьевского.

Уѣхала вмѣстѣ со своей свитой Монтань-Руж, царица набережной, с нѣжной улыбкой на прелестном лицѣ, носившая такую странную, якобинскую фамилію и давшая, кажется, сюжет чудесному чеховскому разсказу «Дама с собачкой».

Изрѣдка по вечерам Антон Павлович приходил в темный со старыми кипарисами сад и, шуруша по гравію, поднимался по деревянным ступенькам маленькой дачи к мѣстному судебному слѣдователю, оставившему свои научныя занятія на сѣверѣ из-за туберкулеза*).

Там, в уютной столовой, под большим абажуром лампы, слѣдователь разсказывал Антону Павловичу необыкновенные случаи криминальной жизни, и Чехов слушал их со своей мягкой, немного иронической улыбкой, и иногда слышался его низкій глухой голос. За самоваром сидѣла жена слѣдователя, прелестная молодая женщина, не спускавшая своих лучистых глаз с писателя.

Давно это было...

А потом, в кабинетѣ Чехова с камином, на котором Левитан нарисовал русский сѣнокос, с открытым большим окном, гдѣ видно было только море и небо, за письменным столом в глубинѣ кабинета сидѣла Оля Леонардовна Чехова-Книппер с пером в руках, а Антон Павлович ходил тихими шагами по кабинету и глухим голосом диктовал что-то.

**

Ярко освѣщенная бѣлая терраса нашей дачи висѣла над группой черных кипарисов уснувшей Ялты, над темной далью моря, гдѣ от морской зыби маячили и качались фонарики на мачтах турецких фелюг.

И все еще снизу из городского сада доносилась музыка доигрывающаго оркестра.

Высокая, стройная, особенно красивая в этот вечер Марія Θεодоровна Андреева, в то время жена Горькаго, откинулась на бѣлую колонну террасы и слушала, по обыкновению, молча наш спор.

«Декабристы жертвовали своей жизнью для блага народа, а рабочие борются за свои права... Все же тут есть разница».

— «Ваши декабристы», — изподлобья смотря на меня, говорил Горькій, — «буржуи, их программа мелко-буржуазна и ничтожна... Геройство?.. Вот и теперь, подумаешь геройство; ввязались мы — с неумытым рылом в войну с нѣмцами, с людьми высокой культуры, и чѣм скорѣе они разобьют нас, тѣм лучше будет для Россіи... Какая же вы спорщица»...**).

Я поглядывала на его тяжелое, некрасивое, с глубокими складками, типичное лицо мастерового, на его добрые глаза, на его высокую складную фигуру, и мнѣ казалось, что говорит он не от себя, а повинуюсь чему-то заученному, что заставляет его быть несправедливым и жестоким.

*) Тугенгольд.

**) Время первой всемірной войны, когда Горькій издавал в Петербургѣ свою пораженческую газету.

Золотистые лучи заходящаго солнца вливались в большое «венеціанское» окно кабинета моего отца, когда я вошла, усталая от дороги и радостная от свиданія с родными.

Спиной к блестящему морю, у окна, сидѣл Иван Алексѣевич Бунин, молодой, скромный и изящный, любимец моего отца С. Я. Елпатьевского, уже напечатавшій свой первый сборник прелестных разсказов, — а у стѣны, в тѣни, впервые пришедшій к нам вмѣстѣ с Буниным — Ал. Ив. Куприн, автор своей первой повѣсти «Молох». Украдкой, я и Александр Иванович разсматривали друг друга в стѣнном зеркалѣ, в котором отражалась картина темных гор Уч-Коша, а на подзеркальничкѣ в бокалѣ стояли бѣлые подсвѣчники.

И тогда уже, несмотря на застѣнчивую скромность, видна была купринская ненасытная жажда и интерес к жизни, — «Ея», — как он говорил про себя — «величайшаго поклонника».

Тогда, в ялтинском кабинетѣ моего отца, Куприн был молод, жизнерадостен, с военной выправкой, с походкой в развалку и с застѣнчивостью офицера, жившаго в глухом полку разгульной, полнокровной жизнью.

Это было время, когда в Ялту пріѣзжали почти всѣ російскія знаменитости художественно - литературнаго міра; когда Московскій Художественный театр в полном составѣ пріѣзжал «в гости» в Ялту к Чехову и давал свои незабываемые спектакли; когда художники группы «Мір Искусства» устраивали свои чудесныя выставки; время пребыванія в Ялтѣ Чехова, Бунина, Андреева, Горькаго, Вересаева, Арцыбашева, Скитальца, Мамина-Сибиряка, Михайловскаго и, наконец, Льва Толстого и многих, многих других.

Александр Иванович был со всѣми равно привѣтлив и весел и в то же время держался особняком.

У него не было важности нѣкоторых знаменитостей, чрезвычайно скромный и чрезвычайно свободолюбивый и даже неукротимый, он был лишен житейскаго тщеславія.

Была у него страстная любовь к Пушкину, изумленіе перед гением Гоголя, который, как он выражался, — «прошелся по землѣ, не касаясь ея, как Бог, — и не оставив послѣ себя слѣдов послѣдовате-

А. И. Куприн.

лей». И особенно нѣжная любовь к Толстому, с которым мѣи родители и познакомили его в Ялтѣ *).

И мнѣ кажется, с Толстым у Куприна было много общаго, недаром и Толстой любил отдыхать, читая Куприна. Оба они были одарены особым чутьем к жизни, тѣм ненасытным ея осязаніем, сближавшим их обоих, и как писателей, и как людей.

Бѣженская жизнь сломила Куприна, пропала его веселость. Попав эмигрантом в побѣдоносный Париж послѣ первой всемірной войны, он писал мнѣ:

«Париж вы не узнали бы. Он вовсе не наряжен, не танцует, не острит. Война придавила и его, как и весь мір. Но зелен он так же, как и много лѣт тому назад. И тот же волшебный простор площадей, от котораго глаза становятся ненасытными и крылатыми».

И уже проживши в Парижѣ горькіе годы бѣженства, он писал:

«Скажите мнѣ, — у вас есть дар предвидѣнія: буду ли, наконец, когда-нибудь богат? Нѣтъ, не богат, а так, чтобы прожить хоть год с душой и в нѣм (подчеркнуто Куприным) комфортом, не думая ежедневно об ужасѣ завтрашняго дня. Я так измучился за всю мою жизнь. Вѣдь, чорт возьми! Неужели я, Я принужден буду сказать однажды «скверная штука жизнь» — я — ея благодарный обожатель, всепрощающій влюбленный, терпѣливый, старый слуга»...

Далѣе о своей эмигрантской жизни он писал:

«Жилось ужасно круто, так круто, как никогда. Я не скажу, не смѣю сказать хуже, чѣм в Совдепи (подчеркнуто Ал. Ив.), ибо это несравнимо. Там была моя личность уничтожена, она уничтожена и здѣсь. Но там я не признавал уничтожающих, я на них мог глядѣть и глядѣл с ненавистью и презрѣніем. Здѣсь оно меня давит, пригибает к землѣ. Тамъ я все-таки стоял крѣпко двумя ногами на моей (подчеркнуто Ал. Иван.) землѣ. Здѣсь я чужой, из милости, с протянутой ручкой. Тьфу!»

Александр Иванович скоро сдѣлался близким человѣком нашей семьи и оставался таковым до смерти. Спустя 20 лѣт жизни в Парижѣ он писал о моем родительском домѣ, посылая Елпатьевским Хуверовскую посылку в Крым в голодные годы.

«Я чрезвычайно рад, что добрые «папаша и мамаша» могут получить посылки. Да и то сказать, на рѣдкость они чудесные, прелестные люди. Гляжу я на них мысленно из нынѣшняго гнуснаго человѣческаго свинушника в милое прошлое, и не вѣрится, что были такіа прелестныя лица и отношенія.

Да, да, да! Славно, упойтельно раньше жилось. Но счастья родины так же не понимаешь, как здоровья, как молодости.

Помните ли вы вечера на вашем балконѣ, когда мы с Сергѣем Яковлевичем топивали в черной прохладѣ токмаковскій «гренаш», а вдали по Черному морю струились серебряныя рыбки? Ангел мой, самая сладкая пора нашей молодости протекала тогда — и какая невиная, легкая, свѣтлая пора!»

В послѣдній раз перед его отъѣздом на родину я пришла к нему

извѣстить его о кончинѣ моей мамы, «милой мамашы», которую он так любил.

Александр Иванович, уже больной, молча, в волненіи встал со стула, повернулся к образу и молился, и жена его мнѣ говорила, что эта смерть его очень потрясла, и что лучше было бы не говорить ему о ней.

Вскорѣ Куприн уѣхал на родину, в свое любимое Гатчино, гдѣ так пахнут весной березы вдоль деревянных заборов, гдѣ у него был свой особнячек с садом и огородом.

Через год он умер и был похоронен на Литературных мостках Волкова кладбища.

Макс Волошин, Алексѣй Толстой, Гумилев.

Однажды лѣтом я поѣхала навѣстить своих родителей, живших в Коктебелѣ у поэта Макса Волошина. Наш пароход подплывал по Сурожскому морю к Суржу-Судаку — «великому торжищу древней Руси».

Новгородскіе купцы — ушкуйники привозили по веснам в греческую Сугдею-Судаку пушнину, янтарь, полотна, имѣли здѣсь свои гостиницы и торговые склады. При генуэзцах, они вывозили отсюда в древнюю Русь китайскій шелк, венеціанскій бархат, бисер и прочіе, названные ими, «суровскими» товары, а также вино.

Легкія, воздушныя горы принимают реальныя очертанія, на пустынном песчаном берегу показались робкія одинокія дачки и сбоку, загораявивая вход в глубокую Судакскую долину, встали темно-бурыя огромныя стѣны и башни генуэзской крѣпости.

Великолѣпныя декораціи давно сыгранной и отошедшей в историческую даль, вѣроятно, тоже великолѣпной пьесы!

Замолкли машины, наш пароход бросил якорь — мола не было, — и от смолкнувших машин, сразу стало тихо на морѣ, и пароход закачался среди блестящей на солнцѣ зыби голубого моря. Гулко раздавались гортанные голоса из подъѣзжавшей к нам лодки перевозчиков: турка и «донголака» (трапезундскаго грека), одинаково одѣтых в вышитыя синія суконныя куртки и шаровары с красными фесками на головах.

Мы спустились в лодку и причалили к берегу около пыльной проселочной дороги, ведшей к пароходной конторѣ и далѣе внутрь долины.

У входа во двор конторы, Этой, может быть, старой генуэзской факторіи, стоят два древних каменных столба, вмѣсто ворот, — и на одном из них прикован черный орел. Он смотрит, не замѣчая нас, пристально своим грозным и хищным профилем на далекія скалы чернаго Карабаха, вѣроятно, тоскуя по волѣ.

И встало в памяти чудесное прошлое Судакской долины. Вот оно, мѣстожителство св. Стефана Сурожскаго, гдѣ он за сто лѣт до призванія варягов насадил христіанство и строил первые храмы, и будучи участником 2-го Никейскаго Собора, вывел Сурож на міровую арену. Это было время иконоборчества, имѣвшее такое влияние на только что слагавшуюся православную вѣру древней Руси.

* См. Воспоминанія Куприна о Львѣ Толстом.

Безлюдна и безмолвна была Судакская долина в то прелестное лѣтнее утро, еще, казалось, спавшая в розовато-песочном туманѣ.

Кругом пустынная степь, гдѣ вѣтер гонит по полям сухую траву «перекати-поле».

**

Далѣе от Судака до Феодосіи долины и морское побережье, мало посѣщаемыя туристами, очень своеобразны и интересны, как в бытовом, так и в историческом отношеніи.

Здѣсь болѣе, чѣм гдѣ бы то ни было, сохранился в неприкосновенности характер жизни татар ханских времен.

Татарскія деревни огромны и богаты; на них не было желающих из свиты Екатерины II, здѣсь нѣтъ поэтому безземелья и отсюда татары не эмигрировали в Турцію, за рѣдкими исключеніями.

Здѣсь все по крымски: одни народы уходили, другіе приходили на их мѣста. В древнія времена здѣсь жили тавры, греки, генуэзцы и у долины Вороновской, Козской и Кашсихорской была своя исторія малоисслѣдованная и еще не описанная.

Пустынны берега Кашсихора, вдоль сѣренькаго пляжа хрустально чистых мелких вод моря. Уютныя долины покрыты фруктовыми садами, виноградниками, тутовыми деревьями. Здѣсь еще сохранилось шелководство, вывезенное татарами, вѣроятно еще из Персіи и Китайскаго Туркестана, и мѣстныя татарки славятся своим рукодѣліем и вышивками. А также гостепрѣимством: вы встрѣчаете их в глубинѣ Кошсихорской долины, около деревни с дѣтьми и кувшинами на плечѣ; онѣ идут от фонтана и привѣтливо встрѣчают рѣдких посѣтителей. Их фесочки с монетками блестятъ на солнцѣ, а бѣлоснѣжныя, домотканныя рубашки с плетеными кружевцами пахнут свѣжим бѣльем.

В генуэзскія времена судакскіе и феодосійскіе консула-палесты имѣли здѣсь свои загородныя виллы.

Долина Козы издревле была заселена греками: античныя развалины и безымянныя древнія погребенія сохранялись еще до половины прошлаго столѣтія, и француз доктор Граперон, основавшій Феодосійскій музей древностей до Крымской кампаніи, показывал археологу Дюбуа мраморный торс античной женской статуи, найденной им в своем виноградникѣ.

**

Дача поэта и художника Макса Волошина стоит у самаго пляжа Коктебеля, знаменитаго своими камешками холцедона, хризопраза и др., выбрасываемыми морем от подводных скал.

Голые холмы Коктебельской долины, особенно его море — все окрашено в изумительный опаловый цвѣтъ, присущій только Коктебелю.

Здѣсь много дач писателей: поэтессы Аллегри, сестры философа Владиміра Соловьева, доктора Манасеина, гр. Толстой, дочери бывшаго президента Академіи Художеств, публициста священника Григорія Петрова, пѣвицы Дейши-Сіоницкой и Волошина.

На дачѣ Макса Волошина, гдѣ я жила с С. Я. и Л. Ив. Елпатьевскими, было особенно шумно. В то лѣто там жили кромѣ нас поэт Гумилев, писатель Алексѣй Толстой с женой и еще одна художница, фамиліи которой я не помню. Ее всѣ звали «как ангел», так как она ходила в бѣлом хитонѣ, перепоясанном на груди крест на крест золотой тесьмой.

Вся компанія жила своими фантазіями, по возможности претворяя их в жизнь.

Макс Волошин, талантливый поэт и художник, скончавшійся в своем любимом Коктебелѣ, был очень образованным человѣком, сумѣвшим сочетать свой «модернизм» с любовью к античности.

Он бродил по палевым холмам Коктебеля и чернымъ вершинам Карадага, одѣтый, как Одиссей, в сѣрый холщевый хитон, с голыми ногами, обутыми в сандаліи, с посохом в руках; вѣнок из душистых горных трав придерживал его пушистые пепельные волосы, обрамлявшіе его широкое, русское, даже скиѣское лицо.

Он был добр и довѣрчив по дѣтски и далек от дѣйствительности. Мечтательно женился на художницѣ Сабашниковой, кажется, очень подходившей к нему, мечтательно разошелся с ней, и наполнил свой кабинет ея картинами, книгами, продолжая жить ароматом ея существованія.

Незадолго до своей смерти, он написал знаменательные стихи на смерть Блока.

«Может быть, и я такой же жребій выну,
Горькая дѣтоубійца — Русь.
И на днѣ твоих подвалов спину
Иль в кровавой лужѣ поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От могил твоих не отпрекнусь.
Докажет голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной,
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!»

Граф Алексѣй Толстой, тогда только еще «начинающій» писатель, с русским породистым лицом, в косовороткѣ, катаясь в лодкѣ на морѣ, пѣлъ свои волжскія пѣсни и античная Таврида не товлѣла над ним.

Также был далек от нея и, пожалуй, от Россіи, поэт Гумилев, вылощенный петербуржец. Прислонясь к мачтѣ нашей лодки, он декламировал свои эгоцентричныя стихи:

«Но нѣтъ, я не герой трагическій,
Я ироничнѣе и суше,
Я злѣюсь, как идол металлическій
Среди фарфоровых игрушек».

По вечерам жена Толстого, тоненькая граціозная Соня, танцевала на пляжѣ «танец волн», играя с морем, а Макс Волошин с художницей «Как ангел» писали свои этюды.

Л. Врангель.

(Продолженіе слѣдует)